

Курбайтаева Аида Анваровна

ЯВЛЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье раскрывается содержание понятия "парадокс", которое является очень спорным и малоисследованным вопросом в лингвистике и тем самым привлекает внимание лингвистов. Такие исследования проводились на базе английского и русского языков, но в немецком языке феномен парадокса изучен мало и неполно. Автор дает определение этому понятию с точки зрения различных дисциплин и делает акцент на описании функций парадокса как стилистического явления, характеризует его классификации по различным признакам и отмечает основные группы - преломление стиля, несоответствие формы и содержания и пародирующие средства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 101-104. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. Pilcher R. Coming Home. N. Y.: St. Martin Press, 2013. 977 p.
17. Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. N. Y.: Scholastic Press, 2000. 734 p.
18. Shreveport Soldier at Fort Hood Dies in Texas Accident [Электронный ресурс] // Times-Picayune. URL: http://www.nola.com/military/index.ssf/2012/02/shreveport_soldier_at_fort_hoo.html (дата обращения: 28.06.2015).
19. The Impossible Dream [Электронный ресурс] // New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2010/11/09/opinion/09herbert.html?_r=0 (дата обращения: 28.06.2015).
20. Vonnegut K. Slaughterhouse Five. N. Y.: Infobase Publishing, 2009. 192 p.

FUNCTIONAL SEMANTICS OF RELATIVE SUBORDINATES WITH A CONJUNCTIVE LINK IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

Kuraleva Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Saint-Petersburg State University
tatianavk@mail.ru

The article examines the functional-semantic peculiarities of relative subordinate sentences with a conjunctive link in the modern English language. Two main functional-semantic types of conjunctive subordinates are described: informational and emotional-evaluative. A special attention is paid to the examination of a grammatical status of sentences with conjunctive subordinates, and also to their discursive functions.

Key words and phrases: functional semantics; grammatical status; conjunctive subordinates; syntactic relation; discourse.

УДК 811.11

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятия «парадокс», которое является очень спорным и малоисследованным вопросом в лингвистике и тем самым привлекает внимание лингвистов. Такие исследования проводились на базе английского и русского языков, но в немецком языке феномен парадокса изучен мало и неполно. Автор дает определение этому понятию с точки зрения различных дисциплин и делает акцент на описании функций парадокса как стилистического явления, характеризует его классификации по различным признакам и отмечает основные группы – преломление стиля, несоответствие формы и содержания и пародирующие средства.

Ключевые слова и фразы: парадокс; функция; классификация; группа; форма; содержание; пародирующие средства.

Курбайтаева Аида Анваровна

Московский городской педагогический университет
mansurowa89@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПАРАДОКСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ®

Явление парадокса вызывает интерес с лингвистической точки зрения ввиду своей малоизученности. Парадокс является характерной чертой стиля ряда писателей. Ведь это «истина вверх дном, гимнастика ума», как подчеркивал М. Горький [5].

В лингвистической литературе данное явление изучено неполно и односторонне. Парадокс – это определенная словесная композиция и как фигура речи несет в себе большой заряд стилистической информации. Естественно, что в современных лингвистических исследованиях нет единства взглядов о парадоксе и его функциях, более того, эти взгляды крайне противоречивы по сути. Парадокс рассматривают как стилистический прием, фигуру речи. С другой стороны, его можно изучать наряду с афоризмами и крылатыми выражениями.

Изучением парадокса занимались Х. Пальярро, Т. Я. Семен [9; 15], которые рассматривали его как семантико-стилистическое средство оригинальности. Исследователи Б. Т. Танеев и О. К. Денисова считают его основной чертой алогизма [7; 10]. Но важно отметить, что все исследования парадокса в лингвистике проводились на базе русского и английского языков. Парадокс в немецком же языке изучен мало, более того, возникает сложность и при попытке дать определение этому понятию.

Вообще, парадокс – это выражение, в котором вывод не совпадает с посылкой и не вытекает из нее, а наоборот, противоречит ей, давая неожиданное и необычное ее истолкование. В Большом энциклопедическом словаре (БЭС) парадокс – это неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод [2].

Лингвисты В. В. Одинцов и В. Д. Девкин понимают под ним некое отклонение, идущее вразрез с регулярными положениями языка [6; 8, с. 15]. Другая группа ученых – О. К. Денисова, Т. Я. Семен, Н. Ю. Шпекторова считают, что парадокс – это стилистический прием и фигура речи. То есть это некая словесная композиция, которая противоречит здравому смыслу, это своеобразное мнение, которое резко расходится с общепринятым [7; 9; 11].

Приемы парадокса широко употребляются не только во всех сферах устной речи, но и в художественных произведениях, публицистике, СМИ, периодической печати, где он постоянно преобразовывается по структуре и форме. Парадоксу можно дать следующее определение: это грамматически правильное высказывание, характеризующееся логико-семантической противоречивостью компонентов, выражающейся в противоречивой форме и содержании. То есть это функциональная единица от слова до сверхфразового единства [10, с. 86].

Мы ставим цель не только дать определение явлению стилистического парадокса, но и дать характеристику его классификаций.

По синтаксической структуре парадоксы различны. Этот прием встречается в одном предложении (распространенном, сложносочиненном, сложноподчиненном) или в нескольких предложениях. Парадокс может быть частью более сложного целого. То есть может реализовываться в макро- или микроконтексте.

Н. М. Наер считает, что парадокс – это выдуманная формулировка реального противоречия, и путем провокационного обострения она приводит к размышлению, к критическому отношению, к комическому [14, S. 249]. Каждый парадокс – это алогизм. И тут уже не действуют правила логики:

Denken steht Kopf; die Sprache schlägt Purzelbäume / Мышление с ног на голову; язык делает сальто [Ibidem]. Повышение воздействия достигается через неразборчивость, новизну формы и кодирования.

Проанализировав научную литературу и работы ученых-лингвистов по вопросу о парадоксе, мы выяснили, что в основном парадокс не рассматривается как некий самостоятельный стилистический прием в английском и немецком языках. В основном парадокс рассматривают как средство выражения иронии [4, с. 133], или как разновидность оксюморона [1], или как средство, с помощью которого строятся многие шутки, анекдоты, загадки. Тем самым языковые парадоксы являются частью игры слов, например: *Einmal ist keinmal / Один раз значит ни разу* [3, с. 146].

Отправной точкой в исследовании являются взгляды на явление парадокса Э. Ризель. Именно в ее работах парадокс рассматривается как самостоятельный стилистический прием и дана детальная классификация этого явления.

Итак, Э. Ризель выделила три группы стилистических парадоксов.

К 1-й группе относятся устойчивые стилистические средства для выражения юмора и сатиры, которые в сущности восходят к лексике и фразеологии, но в то же время приходят в действие только в предложениях.

Сюда относится нарушение стиля (*der Stilbruch*), т.е. осознанное сочетание языковых структур, различных по своей функциональности и по семантико-экспрессивной окраске, чье взаимодействие и смягчение вызывает диссонанс – это излюбленное стилистическое средство литературных и публицистических работ сатирического содержания [16, S. 220].

Так, например, пишет немецкий фельетонист *Cobra* в одном из своих многочисленных исследований зала судебных заседаний: «...*Er hatte sich zu spät erinnert, dass er sich mit einem jungen Mädchen zwecks Austauschs von Zärtlichkeiten auf dem Columbiadam verabredet hatte*» [Ibidem]. / Он вспомнил слишком поздно, что договорился встретиться с девушкой с целью обмена нежностями на улице Колумбиадам.

Официальное употребление предлога *zwecks* + существительное в родительном падеже вызывает в данном контексте комическое воздействие (употребительнее были бы сочетания: *zwecks Austauschs von Waren, zwecks Verbesserung der Lebensbedingungen...*) [Ibidem] (с целью обмена товара, с целью улучшения условий).

2-ю группу образуют средства, которые основываются на стремительном противоречии между предметом речи и формой изложения, то есть здесь речь идет о несоответствии формы и содержания (*Nichtentsprechen von Form und Inhalt*).

К этой группе относится, прежде всего, лексическое средство – ирония как перифраза с обратным эффектом (*die Ironie als Periphrase mit Gegenteilwirkung*) [Ibidem, S. 221].

Пример: *Hast Recht, tu nur so weiter, du bist wirklich ein gutes Kind* [Ibidem]. / *Правильно, продолжай в том же духе, ты умница...* – так говорит мама своей доченьке после того, как она сделала что-то плохое. Лексические средства выражения противоречат реальному содержанию, ключ к пониманию этого предложения лежит в интонации.

Сюда же отнесем контраст между содержанием и формой по смыслу, то есть либо какой-то незначительный, тривиальный факт изображается в серьезном, утрированном тоне, либо наоборот, значительное, глубокое содержание изображено разговорным, грубым способом. В обоих случаях возникает комический или сатирический эффект.

К первой группе приведем пример из романа Г. Манна «Вернопопданный»: автор показывает выпившего студента Делитцша среди равных и достойных ему собутыльников. В этой недостойной сцене использует Г. Манн ряд высокопатетичных выражений и юридических специальных слов.

Делитцш замечает, что его собутыльник прячет бокал пива: «...*aber seine Miene, die dem geraubten Glase überallhin folgte, enthielt plötzlich den ganzen, stürmisch bewegten Ernst des Daseins, und er rief in sächlichem Schreien: Junge, dass du mir nicht verschüttetest! Was entziehst de mir überhaupt mein' Läbensunterhalt! Das ist 'ne ganze gemeine, böswillige Existenzschädigung, und ich kann dich glatt verkläachen!*» [13]. / *Но выражение его лица, которое последовало за спрятанным бокалом, вдруг стало отображением всей серьезности бытия, и он крикнул тенором: «Парень! Это возмутительное нарушение существования! Я могу тебя хорошенько проучить». «...Sobald er aber das Bier zurück hatte; welche allumfassende Aussöhnung in seinem Lächeln, welche Verklärung!*» [Ibidem]. / *Но как только ему отдали пиво, какое же всеобъемлющее примирение и преобразование было в его улыбке.*

Во второй группе, как мы уже говорили, серьезное, важное содержание выражается в игровой, грубо-комической форме. Так, автор в справедливом рвении против «модных слов» говорит:

O meide, streng, weil abgedroschen, Die ausgelatschten Sprachgaloschen [16, S. 225]! / *Избегайте избитых и изношенных языковых галош.*

Важное содержание этого отрывка (борьба с языковыми стилистическими дурными привычками) выражается в разговорном стиле (*ausgelatscht* – это то же самое, что и *ausgetreten*; *Sprachgaloschen* – разговорный неологизм в переносном значении; в качестве элемента нарушения стиля служит выбранная автором форма обращения *o meide!*).

3-я группа стилистических парадоксов очень близка ко второй. То есть иностранные предложения представляются в карикатурном виде в юмористических и сатирических целях. Можно обозначить средства выражения этой группы как пародирующие средства (*parodisierende Mittel*). Здесь, конечно, берут только языковые стилистические пародии (хотя они неотделимо связаны с пародией содержания) [Ibidem, S. 222].

Самая частая форма языково-стилистической пародии заключается в фамильярном, шутковском искажении известных предложений. Таким образом, к примеру, популярные стихи Гете и Шиллера представляются в карикатурном виде.

Сравним известные заключительные строки из баллады Шиллера «*der Taucher*» с их пародией:

Jüngling springt- Brandung wird schwächer, Futsch ist der Jüngling, futsch ist der Becher [17] / *Юноша прыгает, прибой слабеет, юноша пропал, пропал и бокал.* Само собой разумеется, что с языково-стилистическим искажением рука об руку идет искажение первоначальной, оригинальной тематики.

Очень интересный вид языково-стилистической пародии выявляется при переносе какого-либо предложения, высказывания из одного функционального стиля в другой. Так, например, автор лингвистической работы о канцелярском немецком языке вводит свои уточнения с помощью маленькой пародии *Heidenröslein* – стихотворения Гете в канцелярском стиле (и тем более в таком изжившем себя канцелярском стиле, который по стилистическим нормам XX века является недопустимым).

Пример:

Ein Knabe wurde eines auf der Heide belegenen Rösleins ansichtig, und war selbiges ein derart junges und morgenschönes, dass derselbe nicht verfehlte, das Obgenannte vermittelt schnellen Hinzutretens von nahem in Augenschein zu nehmen [12]... / *Мальчик увидел розочку, выросшую на пустыре, и, будучи таким же молодым и прекрасным, не преминул тут же посредством быстрого приближения осмотреть ее.*

Конечно, невозможно обсуждать разносторонние пародирующие стилистические средства, так как многократно они перебрасываются в область литературоведения. Пародия становится самостоятельным литературным жанром, который используется известными поэтами в целях идеологической борьбы (Гейне, К. Иммерман, В. Хауф, К. Краус, Е. Вайнерт).

При лингвистическом и стилистическом анализе различных текстов (в основном художественных и публицистических) выработка отдельных пародирующих моментов занимает очень важное место [14, S. 222].

В заключение следует отметить и актуальность данного исследования, которая заключается в необходимости дальнейшего изучения парадокса, а также необходимости определить его статус в стилистике. Материалы, полученные в ходе исследования парадокса, позволяют углубить и расширить знания в области стилистики современного немецкого языка, расширить представление о парадоксе и о его роли в понимании и декодировании текста.

Список литературы

1. Атаева Е. А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1975. 29 с.
2. Большой энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1456 с.
3. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на ин. языках, 1958. 459 с.
5. Горький А. М. Собрание сочинений. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 29. 671 с.
6. Девкин В. Д. Парадоксы в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1988. № 2. С. 15-21.
7. Денисова О. К. К вопросу об использовании некоторых стилистических средств в пьесах Оскара Уайльда // Вопросы лексикологии и стилистики романо-германских языков. Иркутск: Изд-во ИПИИЯ, 1972. Вып. 1. С. 73-85.
8. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы: кн. для учащихся ст. классов. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1982. 175 с.
9. Семен Г. Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале англ. яз.): автореф. дисс. ... к. филол. н. Одесса, 1986. 16 с.
10. Танеев Б. Т. Парадокс: парадоксальные высказывания: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 400 с.
11. Шпекторова Н. Ю. К вопросу о литературно-художественном парадоксе (на материале произведений О. Уайльда) // Вопросы лексикологии, лексикографии и стилистики романо-германских языков: сб. науч. трудов. Самарканд: Самарканд. гос. ун-т, 1975. С. 218-225.
12. Bloch W. Das reine Amtsdeutsch. Berlin: R. Oefler, 1922. 280 S.
13. Mann H. Der Untertan. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1995. 896 S.
14. Naer N. M. Stilistik der deutschen Sprache. М.: Высшая школа, 2006. 272 S.
15. Pagliaro H. G. Paradox in the Aphorisms of La Rochefoucault and Some Representative English Followers // PMLA. N. Y., 1964. № 79. P. 42-50.
16. Riesel E. Abriss der Deutschen Stilistik. М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1954. 402 S.
17. Zoosmann R. Die schönsten Liebesgedichte und Schelmenstücke aus drei Jahrtausenden. Eltville: Bechtermünz Verlag, 1989. 424 S.

PHENOMENON OF STYLISTIC PARADOX IN MODERN LINGUISTICS

Kurbaitaeva Aida Anvarovna
Moscow City Teachers' Training University
mansurowa89@mail.ru

The article considers the content of the notion "paradox", which is a very controversial and little studied issue in linguistics, and thus attracts the attention of linguists. Such studies were carried out on the basis of the English and Russian languages, but the phenomenon of paradox has been little and incompletely studied in German. The author gives a definition of this notion from the perspective of different disciplines and focuses on describing the functions of the paradox as a stylistic phenomenon, characterizes its classifications on various features, and notes the main groups – the breaking of style, form and content discrepancy and parody means.

Key words and phrases: paradox; function; classification; group; form; content; parody means.

УДК 81'373.6:811.554

Филологические науки

*В статье впервые раскрывается этимологическое значение этнонимов **вадул** и **алайи**. **Вадул** – самоназвание тундренных юкагиров, **алайи** – самоназвание тундренного юкагирского рода. Структурно-морфологический, словообразовательный и семантический анализ самоназвания тундренных юкагиров показал, что этноним **вадул** (как и **одул** у лесных юкагиров) можно перевести как «старательный человек, делающий все аккуратно, хорошо». Этимологический анализ этнонима **алайи** выявил, что данное слово, вероятно, означает «крепкие, стойкие, твердые духом люди».*

Ключевые слова и фразы: юкагирский язык; тундренный и колымский диалекты; этноним; этимология; древний корень; субстантивированное причастие; фонетические превращения; топоним.

Курилов Гаврил Николаевич, д. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
inip@usp.ru*

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЮКАГИРСКИХ ЭТНОНИМОВ **ВАДУЛ И **АЛАЙИ****[©]

Внесенные в заглавие статьи имена существительные, этнонимы никогда не подвергались этимологическому анализу. Это объясняется прежде всего тем, что до нас (т.е. автора этих строк) этимологическим исследованием юкагирских слов специально никто не занимался [8; 10; 11].

Подобным изучением юкагирских слов не могли заниматься наши великие предшественники – Владимир (Вениамиин) Ильич Иохельсон и Юрий (Ерухим) Абрамович Крейнович. Главной и основной целью их научной деятельности было желание дать наиболее точное описание морфологической структуры совершенно неисследованного языка, который уже в конце XIX в. находился на грани исчезновения.

В. И. Иохельсон дал первое научное описание морфологической системы колымского диалекта (его статья, написанная на английском языке, была опубликована в 1905 г., затем на русском языке в 1934 г.) [2], описанием тундренного диалекта занимался Е. А. Крейнович [6].

Как известно, в первой половине XVII в. русские казаки обнаружили остатки 13 юкагирских родов (алайи, когимцы, ходынцы, чуванцы, омоки, янгинцы, анаулы, шоромбои и др.). Но в XVIII в. во время эпидемии оспы 11 родов исчезли. Чуванцы еще в XVIII в. обрусели и утратили свой язык. Ныне сохранились, не утратив родного языка, лишь носители колымского диалекта (самоназвание – *одул*) и носители тундренного диалекта (самоназвание – *вадул*) [12, с. 336]. При этом колымский диалект признается окающим, а тундренный диалект – акающим.

Об этих диалектах Е. А. Крейнович в статье «Юкагирский язык» (1968) писал, что в будущем, в ходе проведения дальнейших исследований придется, возможно, признать их двумя самостоятельными, но близкородственными языками [7]. Автор этих строк и неопубликованной еще монографии «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка» (хранится в архиве Якутского филиала СО РАН) подтверждает правильность предположения Е. А. Крейновича.

Трудность этимологического анализа указанных слов усугубляется тем, что эти существительные представляются монолитными, как одно слово. Трудно подступиться к ним с намерением дать этимологическую характеристику – настолько они кажутся непроницаемыми и недоступными для проникновения внутрь их исследователями. Несмотря на это, мы взялись за описание их структуры, понимая, что у них имеется какая-то связь с другими лексическими единицами тундренного и колымского диалектов юкагирского языка.